

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-323-328

Дата принятия рукописи в печать: 27.07.2026 г.

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
и управления, Орский гуманитарно-технологический
институт (филиал) федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Оренбургский государственный университет»,
г. Орск, Россия,
e-mail: cheshin@sirius56.ru

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется эволюция института имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения должника-гражданина. Автор показывает, что за последнее десятилетие этот институт прошёл путь от абсолютного запрета обращения взыскания, закреплённого абзацем второй части первой статьи 446 ГПК РФ, к гибкой, выработанной судами модели, допускающей реализацию «роскошного» жилья при условии предоставления должнику замещающего помещения. Ключевую роль в трансформации сыграли постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П и от 26 апреля 2021 г. № 15-П, а также последующая практика Верховного Суда РФ, обобщённая в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан. Обосновывается, что в условиях длительного законодательного бездействия фактическое нормотворчество перешло к высшим судебным инстанциям, что порождает проблему правовой определённости. Формулируются предложения по законодательному закреплению критериев «роскошности» жилья и механизма предоставления замещающего помещения.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, единственное жильё, обращение взыскания, банкротство гражданина, замещающее жильё, роскошное жильё, конкурсная масса, статья 446 ГПК РФ, баланс интересов.

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department
of Economics and Management, Orsk Humanitarian and
Technological Institute (Branch) of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education "Orenburg State
University", Orsk, Russia

ENFORCEMENT IMMUNITY: TRANSFORMATION OF LEGAL
REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. The article analyses the evolution of the property (enforcement) immunity concerning the sole dwelling suitable for permanent residence of an individual debtor. The author demonstrates that over the past decade this institution has progressed from the absolute prohibition of enforcement established by paragraph two of part one of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation towards a flexible, judicially developed model that permits the realisation of "luxury" housing provided that the debtor is given replacement accommodation. The key role in this transformation was played by the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14 May 2012 No. 11-P and of 26 April 2021 No. 15-P, as well as the subsequent practice of the Supreme Court of the Russian Federation summarised in the Review of Judicial Practice in Cases of Bankruptcy of Citizens. It is argued that, amid prolonged legislative inaction, de facto rule-making has

shifted to the highest judicial instances, which gives rise to a problem of legal certainty. The author formulates proposals for legislatively fixing the criteria of "luxury" housing and the mechanism for providing replacement accommodation.

Key words: *enforcement immunity, sole dwelling, enforcement, bankruptcy of an individual, replacement housing, luxury housing, bankruptcy estate, Article 446 of the Civil Procedure Code, balance of interests.*

Введение

Среди институтов исполнительного производства и потребительского банкротства немного найдётся таких, чья судьба за последние полтора десятилетия изменилась бы столь радикально, как судьба имущественного иммунитета единственного жилья. Норма, сформулированная в абзаце втором части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ, на первый взгляд предельно проста: взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в этом помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания, за исключением имущества, являющегося предметом ипотеки.

За этой лаконичной формулой стоит конституционно значимый компромисс. С одной стороны, государство обязано гарантировать каждому право на жилище (статья 40 Конституции РФ) и не допускать ситуаций, когда взыскание долга оборачивается для гражданина и его семьи фактической утратой крова. С другой стороны, не менее значим конституционно защищаемый интерес кредитора, чьи право собственности и право на судебную защиту обесцениваются, если должник может укрыть от взыскания актив любой стоимости, объявив его «единственным жильём».

Актуальность темы подкрепляется и статистикой. По данным Федеральной службы судебных приставов, показатель исполняемости по производствам, возбуждённым на основании судебных актов, в 2022 г. составил порядка 46%, а эффективность взыскания по производствам имущественного характера — около 36,5%; за период существования процедуры потребительского банкротства с октября 2015 г. по декабрь 2022 г. несостоятельными были признаны более 750 тыс. граждан [9]. На фоне роста числа банкротств вопрос о том, может ли быть реализовано единственное жильё должника, перестал быть теоретическим и приобрёл массовый характер.

Именно вокруг этого противостояния и развернулась многолетняя драма, в которой законодатель занял пассивную роль наблюдателя, а реальное содержание института формировалось решениями Конституционного и Верховного Судов. Настоящая статья посвящена анализу того,

как абсолютный по своей буквальной редакции запрет превратился в условный, зависящий от стоимости и характеристик жилья, добросовестности должника и возможности предоставления ему замещающего помещения. Цель работы — проследить логику этой трансформации, оценить её последствия для правовой определённости и предложить направления необходимого законодательного вмешательства.

Материалы и методы исследования

Нормативную и эмпирическую основу исследования составили положения статьи 446 ГПК РФ и Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П и от 26 апреля 2021 г. № 15-П, а также акты Верховного Суда РФ, включая определения Судебной коллегии по экономическим спорам и Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан. Теоретическую базу образуют работы российских исследователей института исполнительного иммунитета — В. А. Гуреева, О. В. Жевняк и Н. В. Городновой, Е. А. Лагуновой, Д. А. Дударовой, К. М. Орлова и других авторов, чьи позиции отражены в перечне литературы.

Методологически работа опирается на формально-юридический метод, позволивший установить буквальное содержание нормы и пределы её толкования; историко-правовой метод, благодаря которому прослежена динамика института во времени; метод толкования правовых позиций высших судов, необходимый для реконструкции той фактической модели регулирования, которая сложилась в отсутствие законодательных изменений; а также сравнительно-аналитический подход при сопоставлении правовых позиций 2012 и 2021 годов и при систематизации доктринальных взглядов.

Результаты и обсуждение

В первоначальной редакции абзац второй части первой статьи 446 ГПК РФ был сконструирован как безусловный запрет. Закон не делал различий между скромной однокомнатной квартирой и многоэтажным особняком: если помещение было для должника единственным пригодным для постоянного проживания, оно полностью выводилось из-под взыскания. Единственное прямо названное исключение касалось имущества, обременённого ипотекой.

Такая конструкция отражала очевидную и гуманную идею — не оставить человека без крыши над головой. Однако уже на ранних этапах её применения обнаружилось внутреннее противоречие. Норма, призванная защищать минимальные жилищные гарантии, на практике защищала любую жилую недвижимость вне зависимости от её площади и стоимости. В результате должник, владеющий дорогостоящим жильём, мог годами не исполнять обязательства, а кредитор оставался без реальной возможности удовлетворить требования, хотя стоимости жилья хватало бы и на погашение долга, и на приобретение должнику скромного, но достаточного помещения. Так защита нуждающегося превращалась в инструмент, доступный и тому, кто в защите не нуждался. На этот дисбаланс неоднократно указывала и доктрина: большинство исследователей сходятся во мнении о необходимости перехода от абсолютного иммунитета к ограниченному [10].

Впервые на этот дисбаланс Конституционный Суд РФ обратил внимание в постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П. Проверяя конституционность абзаца второй части первой статьи 446 ГПК РФ, Суд не признал норму неконституционной, однако констатировал, что распространение имущественного иммунитета на жильё, размеры которого явно превышают разумно достаточные для удовлетворения потребности в жилище, нарушает баланс интересов должника и кредитора.

Принципиально важным стало то, что Конституционный Суд адресовал законодателю прямое предписание: внести в законодательство изменения, которые определяли бы пределы действия имущественного иммунитета и устанавливали порядок обращения взыскания на жильё, превышающее разумно достаточные параметры, с одновременным обеспечением должнику гарантий сохранения нормальных жилищных условий. Иными словами, ещё в 2012 году была сформулирована вся будущая конструкция: иммунитет не должен быть абсолютным, но его отступление допустимо лишь при гарантии должнику пригодного жилья.

Проблема заключалась в том, что предписание осталось невыполненным. Законодатель не внёс требуемых изменений ни в течение года, ни в последующие годы, и суды продолжали применять норму в её буквальном, абсолютном прочтении, поскольку механизма отступления от иммунитета закон не предлагал.

К вопросу пришлось вернуться спустя девять лет. Поводом стало дело гражданина И. И. Ревкова, кредитор которого добивался обращения взыскания на единственное жильё должника — квартиру значительной площади, приобре-

тённую уже после присуждения долга и возбуждения исполнительного производства. Нижестоящие суды отказывали в реализации квартиры именно со ссылкой на её имущественный статус.

В постановлении от 26 апреля 2021 г. № 15-П Конституционный Суд РФ вновь признал оспариваемые положения не противоречащими Конституции, но дал им принципиально новое истолкование, фактически переломившее прежнюю практику. Суд прямо указал, что более чем за девять лет необходимые изменения в законодательство так и не были внесены, и в этих условиях счёл недопустимым дальнейшее использование длительного бездействия законодателя как основания для безусловного сохранения иммунитета любого жилья.

Конституционный Суд сформулировал несколько взаимосвязанных правил. Отказ в применении иммунитета не может служить наказанием должника, а имеет смысл лишь как способ удовлетворения требований кредиторов; поэтому суды обязаны сопоставлять рыночную стоимость жилья с величиной долга. Отступление от иммунитета не должно оставлять должника и членов его семьи без жилища, отвечающего минимальным стандартам обеспеченности жилой площадью, и не должно вынуждать их без согласия менять населённый пункт проживания. Замещающее жильё может быть предоставлено должнику кредитором в порядке, определяемом судом. Наконец, суды должны проверять, не было ли злоупотребления при приобретении дорогостоящего жилья — например, перевода средств в «защищённый» актив уже после возникновения долга.

Тем самым постановление № 15-П завершило демонтаж абсолютного иммунитета. Запрет из безусловного превратился в условный: он действует, пока жильё остаётся в пределах разумной достаточности и пока поведение должника добропорочно. В литературе это решение справедливо оценивается как поворотное, окончательно отменившее абсолютную защиту единственного жилья [11; 13].

Конституционный Суд обозначил вектор, но не мог и не должен был расписывать конкретные критерии. Эту работу взял на себя Верховный Суд РФ. Уже в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 26 июля 2021 г. высшая судебная инстанция поддержала подход Конституционного Суда, а затем последовательно наполняла оценочные понятия содержанием. Итог этой работы был обобщён в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ.

Центральным стал вопрос: какое жильё считать «роскошным», то есть выходящим за пределы разумно достаточного. Верховный Суд предо-

стерёг от упрощённого подхода. Он указал, что критерием роскошности может выступать только та площадь, которая существенно — кратно — превышает разумную потребность должника и членов его семьи в жилище. Показательно приведённое в Обзоре дело, где суды первой и апелляционной инстанций отказались сохранить за должником квартиру площадью 91 кв. м, в которой тот проживал с супругой и несовершеннолетним ребёнком, однако кассация это решение исправила. Двукратное превышение нормы предоставления на троих человек, по оценке суда, не свидетельствует о чрезмерной обеспеченности жильём и не оправдывает отказ в иммунитете.

Вместе с тем Верховный Суд подчеркнул, что площадь — не единственный и даже не решающий критерий. При оценке жилья как роскошного следует учитывать совокупность характеристик: жилую площадь, место расположения, конструктивные особенности, внешнее и внутреннее художественное оформление, уровень инфраструктуры района, техническое оснащение. В Обзоре приводится противоположный пример: квартира с лишь несущественным превышением площади над потребностью должника всё же может быть реализована, если она расположена в элитном жилом комплексе в престижном районе и обладает высокой рыночной стоимостью, позволяющей не только приобрести замещающее жильё, но и пополнить конкурсную массу. Таким образом, ключевым становится не метраж сам по себе, а экономический результат: достаточна ли стоимость жилья, чтобы после приобретения должнику адекватного помещения остались средства для кредиторов. Этот экономико-правовой ракурс проблемы детально проработан в доктрине, где «роскошное жильё» обоснованно предлагается рассматривать как экономико-правовую категорию, опирающуюся в том числе на классификацию жилья и данные рынка недвижимости [14].

Существенным элементом модели остаётся гарантия замещающего жилья. По общему правилу должник не может быть лишён единственного жилья без предоставления взамен помещения в том же населённом пункте, площадь которого не меньше нормы предоставления по договору социального найма. Вместе с тем Верховный Суд допустил, что в исключительных случаях при недобросовестном поведении должника единственное жильё может быть реализовано и без предоставления замещающего помещения. Эта оговорка усиливает значение категории добросовестности: чем очевиднее злоупотребление, тем меньше защищён должник. В литературе, однако, отмечается дискуссионность использования именно норм социального найма для оценки разумной потреб-

ности, поскольку эти нормативы имеют иное назначение и фиксируют минимальный, а не разумно достаточный уровень обеспеченности [14].

Сложившаяся модель внутренне логична и куда лучше прежней балансирует интересы сторон. Однако она обнажает фундаментальную проблему: реальное содержание института исполнительского иммунитета сегодня закреплено не в законе, а в правовых позициях высших судов. Закон по-прежнему говорит об абсолютном запрете с единственным исключением для ипотеки, тогда как практика руководствуется развёрнутой системой условий, которой в тексте статьи 446 ГПК РФ попросту нет.

Это порождает несколько рисков, на которые единодушно указывает доктрина. Прежде всего страдает предсказуемость: оценочные категории «роскошности», «разумной достаточности», «существенного превышения» наполняются содержанием от дела к делу, и участники оборота не могут заранее с уверенностью определить судьбу конкретного жилья. На правовую неопределённость пределов действия иммунитета и отсутствие законодательно закреплённых норм, регулирующих эти пределы, прямо обращают внимание исследователи [12; 15]. Далее, остаётся непояснённым на уровне закона механизм предоставления замещающего жилья — кто, в какие сроки и за чей счёт его приобретает, как соотносятся интересы должника, не желающего переезжать, и кредитора, финансирующего покупку; в науке предлагаются различные модели, включая самостоятельную продажу должником жилья с последующим приобретением замещающего и раздел дорогостоящего объекта [14]. Наконец, само по себе многолетнее замещение законодательной функции судебным толкованием, при всей вынужденности такого положения, расходится с принципом разделения властей: Конституционный Суд дважды прямо указывал законодателю на необходимость урегулировать вопрос, и эта обязанность сохраняется.

Заслуживает внимания и высказанная в литературе идея о том, что действие исполнительского иммунитета в исполнительном производстве и в деле о банкротстве не должно быть тождественным, поскольку процедуры преследуют разные цели и по-разному учитывают интересы кредиторов [10]. Это направление дифференциации могло бы стать предметом отдельного законодательного решения.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, институт имущественного (исполнительского) иммунитета единственного жилья за последнее десятилетие претерпел качествен-

ную трансформацию — от абсолютного запрета обращения взыскания к условной защите, поставленной в зависимость от стоимости и характеристик жилья, добросовестности должника и возможности предоставления ему замещающего помещения.

Во-вторых, движущей силой этой трансформации выступили не законодательные акты, а правовые позиции высших судов: постановление КС РФ № 11-П (2012) обозначило проблему и сформулировало будущую конструкцию, постановление КС РФ № 15-П (2021) преодолело абсолютность иммунитета, а практика Верховного Суда наполнила оценочные понятия конкретным содержанием, выработав критерии «роскошности» и контуры механизма замещения.

В-третьих, ключевым критерием отступления от иммунитета сегодня является не формальное превышение площади, а экономическая целесообразность: реализация жилья оправдана, если его стоимость позволяет обеспечить должника адекватным замещающим помещением и при этом пополнить конкурсную массу. Простое превышение нормы предоставления, особенно при наличии несовершеннолетних детей, само по себе основанием для изъятия не служит.

В-четвёртых, сложившаяся модель, будучи более справедливой по существу, создаёт проблему правовой определённости, поскольку реальное регулирование оторвано от текста закона. Длительное законодательное бездействие, на которое прямо указывал Конституционный Суд, требует устранения.

В качестве направлений совершенствования регулирования представляется необходимым закрепить непосредственно в ГПК РФ и Законе о банкротстве: критерии отнесения жилья к превышающему разумно достаточные параметры (с опорой на выработанную судами совокупность характеристик и экономические показатели, а не только площадь); процедуру и финансовые механизмы предоставления замещающего жилья, включая распределение расходов и гарантии должнику; основания, при которых недобросовестность должника допускает реализацию жилья без предоставления замещающего помещения; а также возможную дифференциацию режима иммунитета в исполнительном производстве и в банкротстве. Такое регулирование позволит перевести выведенные судебной практикой подходы в плоскость стабильной и предсказуемой нормы закона.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок) // Официальный ин-

тернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2026).

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[3] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации...» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктов 1, 3 и 5 статьи 213.25, абзаца седьмого пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 19. Ст. 3290.

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 18.06.2026).

[7] Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 18.06.2026).

[8] Гуреев В. А. Исполнительский иммунитет в отношении единственного пригодного для проживания жилого помещения должника: актуальные вопросы правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021.

[9] Городнова Н. В., Жевняк О. В. Роскошное жильё как экономико-правовая категория в свете применения норм института исполнительского иммунитета: теория и нормативное регулирование // Жилищные стратегии. 2023. Т. 10, № 3. С. 27-50.

[10] Лагунова Е. А. Действие принципа исполнительского иммунитета в делах о банкротстве граждан в свете конституционных положений о защите семьи и права на жилище // Вестник гражданского процесса. 2021. С. 60-64.

[11] Грейт В. В., Бабилова М. Д., Хабибуллаев У. Б. Иммунитет единственного жилья в свете

принятия постановления Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П // Молодой учёный. 2021. С. 83-88.

[12] Дударова Д. А. Актуальные проблемы обращения взыскания на единственное жильё должника // Вопросы российской юстиции. 2022.

[13] Сказин Н. А., Калюжная П. Л., Пугина В. И. Исполнительский иммунитет жилья гражданина-банкрота в современных реалиях // Вопросы российской юстиции. 2022. С. 116-123.

[14] Жевняк О. В. Роскошное жильё как экономико-правовая категория в свете применения норм института исполнительского иммунитета // Жилищные стратегии. 2023. URL: <https://1economic.ru/lib/119110> (дата обращения: 18.06.2026).

[15] Орлов К. М. Ограничение исполнительского иммунитета единственного жилья должника при банкротстве: проблемы правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. С. 244-247.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: June 18, 2026).

[2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

[3] Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2012 No. 11-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of the Provision of Paragraph Two of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation..." // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 21. Article 2697.

[5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of the Provisions of Paragraph Two of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Clauses 1, 3 and 5 of Article 213.25, Paragraph Seven of Clause 3 of Article 213.25 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in Connection with the Complaint of

Citizen I. I. Revkov" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 19. Article 3290.

[6] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 26, 2021 No. 303-ES20-18761 // Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: <https://vsrf.ru> (date of access: June 18, 2026).

[7] Review of judicial practice in bankruptcy cases of individuals: approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation // Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: <https://vsrf.ru> (date of access: June 18, 2026).

[8] Gureev V. A. Executive immunity in relation to the only residential premises of the debtor fit for habitation: current issues of law enforcement // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021.

[9] Gorodnova N.V., Zhevnyak O.V. Luxury Housing as an Economic and Legal Category in Light of the Application of the Norms of the Institute of Executive Immunity: Theory and Normative Regulation // Housing Strategies. 2023. Vol. 10, No. 3. Pp. 27-50.

[10] Lagunova E.A. The Application of the Principle of Executive Immunity in Cases of Bankruptcy of Citizens in Light of Constitutional Provisions on the Protection of the Family and the Right to Housing // Bulletin of Civil Procedure. 2021. Pp. 60-64.

[11] Greit V.V., Babikova M.D., Khabibullaev U.B. Immunity of the Only Housing in Light of the Adoption of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P // Young Scientist. 2021. Pp. 83-88.

[12] Dударова Д. А. Actual problems of foreclosure on the debtor's only residence // Issues of Russian Justice. 2022.

[13] Skazin N. A., Kalyuzhnaya P. L., Pugina V. I. Executive immunity of a bankrupt citizen's residence in modern realities // Issues of Russian Justice. 2022. Pp. 116-123.

[14] Zhevnyak O. V. Luxury housing as an economic and legal category in light of the application of the norms of the institution of executive immunity // Housing strategies. 2023. URL: <https://1economic.ru/lib/119110> (date of access: 18.06.2026).

[15] Orlov K. M. Limitation of executive immunity of the debtor's only residence in bankruptcy: problems of legal regulation // Arbitration and civil procedure. 2022. P. 244-247.